

Революция личности

Часть 1. Социальная революция как синтез элит

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

Революция личности. Часть 1. Социальная революция как синтез элит

The revolution of personality. Part 1. Social revolution as a synthesis of elites

Аннотация. Посткапиталистическая стадия развития общества рассмотрена как новая antagonистическая общественная формация, в рамках которой «обладание личностью» является наиболее желаемым состоянием и весомым преимуществом. Становление посткапитализма представлено как процесс возвышения персоналиата — растущей прослойки популярных творческих личностей. Критикуется тезис о классовой борьбе как необходимом элементе процесса смены общественных формаций. Утверждается, что тезисы классиков марксизма о революции рабочего класса опирались исключительно на ситуативные прогнозы и экстраполяции. Обоснована концепция синтеза элит как универсального механизма смены общественных формаций. С опорой на результаты исторических исследований показана работоспособность этого механизма на примере становления капитализма. Утверждается, что социальная революция — это медленный процесс, при котором новые формы власти и престижа постепенно вытесняют старые.

Annotation. The article is devoted to rethinking the prevailing views on the post-capitalist stage of society's development. The latter is viewed as a new antagonistic socioeconomic formation, within which "possession of a personality" is both the most desirable state and a significant advantage. The emergence of post-capitalism is described as the rise of the personaliat — a growing social stratum of popular creative personalities.

The first part of the article criticizes the thesis of the class struggle as a necessary element of the process of socio-economic formations changing. It is argued that the theses of the classics of Marxism about the revolution of the working class did not have sufficient scientific basis and relied solely on situational forecasts and extrapolations. The author substantiates the concept of "synthesis of elites" as a universal mechanism for the change of socio-economic formations. Based on the results of historical research, the efficiency of this mechanism is demonstrated on the example of the formation of capitalism. It is argued that social revolution is a slow process in which new forms of power and prestige are gradually supplanting old ones. These and other theses form a general theoretical "framework" for the second part of the article, which describes the ongoing revolution of personality.

Ключевые слова. Личность, персоналиат, посткапитализм, социальная революция, марксизм, классовая борьба, политические элиты, способ производства, общественная формация.

Key words. Personality, the personaliat, post-capitalism, social revolution, Marxism, class struggle, political elites, mode of production, socio-economic formation.

Сегодня лучшее время, чтобы говорить о посткапитализме. Даже мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., можно было расценить как нечто вполне естественное для капиталистической экономики. Были развеяны иллюзии наступления «идеально сбалансированной» мировой неолиберальной экономики, но относительно самого капитализма факт кризиса еще ни о чем не говорил. Куда

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук.

более серьезными оказались долгосрочные тенденции, которые кризис лишь ускорил: торможение экономического роста или же рост экономики без роста зарплат [33] и новых надежных рабочих мест [32].

Параллельно появлялись различные концепции посткапитализма, авторы которых осмыслили долгосрочные технологические и социоструктурные тенденции развития общества. В фокусе внимания оказывались экономика, основанная на знаниях, автоматизация и роботизация, экономика сотрудничества, производство с «нулевыми предельными издержками» [34]. В данной области исследований было найдено много заслуживающего внимания. Так, были охарактеризованы сущностные особенности знания и вообще творческой деятельности как процесса, в том числе «производства» знания. Если оно становится ключевым фактором производства, мы сталкиваемся с рядом серьезных вызовов для самого функционирования капиталистической экономики. «Нематериальность» [8] знания означает его потенциальную общедоступность и неизмеримость с помощью таких индикаторов, как ВВП. Говорить о его «производстве» можно только условно, ибо тут совершенно не подходят индустриально-фордистская (тейлористская) семантика и апелляции к контролируемым трудовым процессам. Знание скорее «порождается» общественным бытием, на которое лишь косвенно можно влиять, улучшая инфраструктурный климат и вкладываясь в общественные блага (включая образование и науку).

Рассуждения о специфике производства знания хорошо сочетаются с дискурсом о развитии технологий, открывающих невиданные возможности для «движения влево» [3; 4]: автоматизация и роботизация способствуют прекаризации [25], но в то же время порождают потенциально бесплатные блага, которые можно распределять всем без исключения гражданам (по крайней мере, развитых стран) на безвозмездной основе (безусловный базовый доход [2; 5]), открывая перспективы чего-то вроде «посттрудоу» экономики [23], в которой нет больше нужды в повседневных благах, и люди создают общественные блага на абсолютно добровольной основе.

Все эти и многие другие явления служат хорошей интеллектуальной основой для возрождения утопического мышления о посткапитализме.

Чего реально не хватает левому интеллектуальному дискурсу сегодня, так это как раз представления о том субъекте, который бы действительно боролся за превращение утопических идеалов в идеалы, хотя бы отчасти реализуемые. Несмотря на все грандиозные открывающиеся возможности, не похоже, чтобы общественно-политический дискурс в развитых странах демонстрировал какую-то ощутимую устремленность к посткапиталистическому обществу всеобщего равенства. На фоне рекордных показателей безработицы, колоссального социального неравенства и всех тех социальных проблем, которые ярко проявились в период COVID-19, в США вспыхивают протесты, обусловленные гибелью чернокожего от рук белого полицейского. И хотя левая повестка также присутствует в протестных выступлениях, пока она ограничивается некоторыми неубедительными призывами распустить полицию

или поддержать бизнес черных [31]. До этих событий протестные движения «желтых жилетов», казалось бы, показали всю мощь протеста против неолиберализма и капитализма как таковых, но и они закончились, по сути, незначительными уступками. Сегодня борьба левых напоминает сопротивление, но никак не борьбу за выстраивание чего-либо принципиально нового в институциональном плане.

Уже давно прошли времена, когда можно было указать на сплоченную социальную силу, готовую стать «классом для себя» во имя равенства, борьбы с отчуждением и высоких идеалов социализма. История левой политической мысли — это история разочарований в субъектах. И сегодня левые все еще сконцентрированы на поиске «линий разломов», структурных социальных противоречий. Идея посткапиталистического общества все еще нераздельно связана с идеей «инициативы снизу», со стороны «страдающей» социальной прослойки, представители которой в борьбе против угнетения или эксплуатации ведут человечество к лучшему общественному устройству без всевластия капитала. От не сдающихся «ортодоксальных» марксистов с их идеей никуда не исчезнувшего пролетариата [16; 20] до современных «новых» левых, делающих упор то на прекариат, то на прогрессивных интеллектуалов и работников умственного труда [3], то на сетевую самоорганизацию абстрактных «граждан мира» или постмодернистские «сборки» или «множества» [28].

Однако есть основания полагать, что и эти ставки на «низовую» борьбу также вряд ли оправдают надежды. Сегодня наступает момент, когда нужно оглянуться назад и задаться вопросом: не является ли сам язык, на котором мы пытаемся говорить о посткапитализме, устаревшим и требующим радикального пересмотра? Не принимаем ли мы в качестве аксиом всякий раз, когда говорим о следующей за капиталистической общественной формацией, такие теоретические посылы, которые при тщательном рассмотрении оказываются не просто недостаточно обоснованными, но и в корне ошибочными?

Данная статья представляет собой попытку скептического взгляда на ряд догм и «аксиом» в интеллектуальном дискурсе о посткапитализме. Для этого необходимо полностью сменить теоретическую оптику. Прежде всего, пересмотра требует представление о том, что вслед за капитализмом следует неантагонистическая общественная формация (закрепленная в утопическом мышлении как бесклассовый коммунизм [9]). Согласно данному представлению, если в («зрелом», «завершенном/сформировавшемся» и т. д.) посткапиталистическом обществе и будут свои противоречия, то это: а) не имеет отношения к самому процессу перехода к посткапиталистической стадии развития (т. е. проявится позже); б) противоречия окажутся куда более «мягкими» и не будут относиться к категории «общественные антагонизмы» (как «разорванности» общества на враждующие социальные прослойки). Согласно другой «аксиоме», переход к посткапиталистическому обществу осуществляет «угнетаемая» социальная прослойка (в марксистской традиции рассматриваемая как эксплуатируемый класс), представители которой мгновенно

или постепенно (через серию реформ) совершают «политически обусловленный» переход к следующей стадии развития.

Собственно говоря, эти два фундаментальных для многих левых мыслителей положения тесно друг с другом связаны: если следующая стадия развития будет неантагонистической, то логично, что должен наблюдаться некий «уравнительный» порыв, который «разрешает» классовую борьбу в целом. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что данные исходные посылы разделяются вообще всеми левыми теоретиками и практиками. Но очень часто сознательно или подсознательно вместе они составляют нечто вроде принимаемых на веру базовых допущений, которые мешают разглядеть в происходящих больших общественных трансформациях куда более сложную и неоднозначную картину.

Далее будет представлен оспаривающий существующие представления взгляд на перспективы посткапиталистического общества. При этом на вооружение будет взята общая методология марксистского материалистического понимания истории. Правда, под материалистическим пониманием истории здесь понимается не «завершенное» учение К. Маркса и его последователей, а открытая для критики и пересмотра совокупность методологических установок, ставящих во главу угла сферу производства (как в узком, так и в «широком» смысле) как то, что в конечном счете определяет пределы институционального «надстроечного» многообразия в рамках одного «способа производства».

К инструментарию, разработанному Марксом, будет предложено относиться именно как к научной методологии, которая, сталкиваясь с новыми фактами, требует пересмотра теорий и концепций, с помощью нее созданных. Это означает, что из ее аксиоматики стоит убрать все то, что так и не обрело научной доказательной базы: что основывалось на экстраполяциях, прогнозах, ставках или желаниях, но никак не на прочной фактологии или обращении к универсальным, повторяющимся закономерностям исторического развития. По иронии судьбы многое из того, чем сегодня знаменит и актуален Маркс, не выводится из его же теоретических схем, а то и вовсе никогда не имело твердой научной основы и всегда находилось на уровне экстраполяций и смелых гипотез.

Первая часть настоящей статьи посвящена переосмыслению концепта социальной революции как перехода от одной общественной формации к другой. Согласно одному из посылов данного текста, тезис о революции рабочего класса как способе перехода к постклассовому обществу был и остается утопичным. Напротив, если допустить, что переходы от одной стадии общественного развития к другой имеют универсальные закономерности протекания, то мы бы узнали куда больше о перспективах посткапитализма, изучая переход от докапиталистической к капиталистической стадии развития.

Признавая нерелевантность аргументации, основывающейся на аналогиях, я попытаюсь апеллировать к закономерностям, отвечающим самой логике исторического процесса. Речь будет идти не о «тотальном» универсализме, предсказывающем с неизменной точностью наступление той или иной эпохи, но о ряде факторов, которые влияют на транс-

формации способов производства. Эти факторы и закономерности можно выразить следующим образом:

- при отсутствии всеобщего изобилия материальных и «нематериальных» благ новые способы производства неизбежно порождают новые формы господства и престижа;

- новые господствующие социальные слои не возникают «снизу»; наиболее вероятно их появление из старых господствующих и примыкающих к ним слоев, т. к. экономические элиты располагают несоразмерно большими ресурсами для прогрессивного изменения самого способа производства;

- процесс смены способа производства, а стало быть, и общественной формации только в малой степени зависит от классовой борьбы; точнее сказать, это очень долгая трансформация, которая больше напоминает «синтез элит», постепенно меняющий сущность общественных отношений.

Соответственно, первая часть настоящей статьи посвящена обоснованию данных тезисов.

Вторая часть статьи посвящена эмпирическому обоснованию положения, согласно которому посткапиталистическая революция уже сравнительно давно идет. Она представляет собой постепенное «синтетическое» возвышение нового господствующего слоя — персоналиата. Это — социальная революция личности. Ключевой тезис, который подлежит эмпирическому обоснованию, заключается в том, что материальные активы (богатство, капитал, финансы и т. п.) перестают быть важнейшим ресурсом, обладание которым обуславливает доступ к инструментам политического влияния. В качестве такого ресурса все чаще выступает личность, понимаемая как:

- совокупность творческих потенций отдельного человека;
- способность того или иного человека завладеть общественным вниманием (обладать «властью над дискурсом»).

Социальная «революция снизу» — «исключение из правил»?

«История всех до сих пор существовавших обществ, — пишут Маркс и Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии”, — была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых» [15. С. 424—425].

Этот известный абзац в целом выражает способ осмысления социальной революции именно как результата классовой борьбы. Но в этих, если можно так выразиться, зачинающих марксизм строках уже содержится некоторая недосказанность, которая и служит чертой, разделяющей марксизм как научную методологию и марксизм как классовую идеологию, утопию [17]. Классики марксизма как ученые подчеркивают неоспоримый факт существования классовых антагонизмов на протяжении истории, но как идеологи они выдают желаемое за действительное, утверждая, что борьба антагонистических классов «всегда кончается революционным переустройством всего общественного здания».

Причем из данного утверждения выводимы два умозаключения:

- в рамках данной конкретной общественной формации борьба антагонистических классов приводит к революционному переустройству всего общественного здания;

- революционное переустройство всего общественного здания заключается в консолидации некоего третьего («стороннего», «нового», «передового») класса, который постепенно формируется внутри старой системы, крепнет и в итоге направляет классовую борьбу себе на пользу. Я полагаю, что второе следствие ближе к действительности, хотя, как будет показано ниже, и с ним не все гладко. Что касается следствия первого, то именно оно, несмотря на прямое столкновение с историческими фактами, стало фундаментальным «подсознательным» многих левых теоретиков и идеологов.

Несомненно, рабы не стремились к свержению рабовладельцев с целью установления феодального общества, а феодальные крестьяне и предположить не могли, что будущее — за чем-то вроде капитализма. Однако тезис о революционной борьбе рабочего класса (по крайней мере, изначально) вытекал из предположения о том, что рабочий класс, в отличие от классов рабов и крестьян, уж точно в состоянии осознать себя как «класс для себя» и бороться за коммунистическое общество. Во всяком случае, даже если он себя таковым и не осознает, то на помощь всегда могут прийти интеллектуалы, авангардная партия и т. д.

Хочу подчеркнуть: тезис о революционной роли рабочего класса не вытекал из строго научного исторического анализа, выявляющего закономерности протекания социальных революций, *но во всем был, скорее, ориентацией на «исключение из правил»*. Он основывался на гипотезе о капитализме как последнем способе производства в рамках большой «экономической общественной формации» [14]. Классики марксизма не предполагали, что на смену капитализму может прийти новая антагонистическая общественная формация [9], а потому в качестве тотального отрицания вешней зависимости мыслилась только свободная индивидуальность, которую в конце концов обретают те, кому «нечего терять,

кроме своих цепей». Находились лишь не самые убедительные апелляции к «мировому единству» пролетариата, который вместе с глобализацией капитализма также обретет глобальную субъектность. Это якобы выгодно отличает рабочий класс от крестьянства. Как писалось в одном из ранних учебников по истмату, «крестьянство, доведенное до отчаяния, нередко восстает против помещиков. Но в силу того, что основная масса крепостного крестьянства самым способом производства распылена и разрознена, крестьянские восстания в большинстве своем носят локальный (местный) характер» [11. С. 212]. Историческая несостоятельность предсказаний мировой революции не нуждается в отдельном обосновании.

Тем не менее, «фундаментальное подсознательное» было таким образом заложено, и впоследствии левые теоретики ориентировались именно на концепцию революции, иницируемой «снизу». В конце концов, дело часто доходило до того, что «исключение» становилось «правилом», а интеллектуальный дискурс при этом фокусировался именно на «низовой» инициативе, о каких бы революционных действиях речь ни шла: когда говорили о так называемых буржуазных революциях, то неизменно подчеркивали решающую роль крестьян и городских «низов», без активных действий которых не свершились бы ни Английская, ни Французская буржуазные революции. Находились и оправдания такому «исключению». В конце концов, всю историю можно было представить как борьбу угнетенных против эксплуататоров; но раньше настоящее всемирное восстание «низов» было попросту немыслимо, а потому инициативу неизменно перехватывали «верхи». Одно время дело доходило до абсурда, когда И. В. Сталин в своем выступлении на съезде колхозников-ударников в 1933 г. обронил фразу, которая стала одной из самых популярных в трудах советских историков античности в 1930-е гг. [12]: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» [24. С. 447].

Как уже было отмечено, история левой политической мысли — это своеобразное «кладбище» коллективных субъектов: от крестьян и промышленных рабочих до молодежи эпохи сексуальных революций, современных «сетевых граждан мира», представителей различных «культурно притесняемых» социальных групп или меньшинств, постмодернистских «сборок» или «множеств», прекариата и многих других (а сегодня к этому могут добавиться чернокожие и не только представители общественных движений вроде Black Lives Matter или американских антифа). Это, иными словами, история разочарований в субъектах «низового» политического протеста, на которых в определенные времена возлагались революционные надежды. Именно поэтому сегодня часто осознается, что никакого революционного класса «для себя» выделить уже невозможно, т. к. фактически рабочий класс распался на множество притесняемых подгрупп с крайне различными мировоззрениями. Коммунизм представляется уже не как «объективно предсказанная» наступающая реальность, а как вдохновляющая

мечта, утопия [18; 21]. Капиталистическая система при этом лишь перестраивалась и обновлялась (и далеко не всегда в эгалитарном направлении).

Несомненно, грандиозные достижения Октябрьской революции и других социалистических революций должны быть в таком случае приняты к сведению. Однако ни в России, ни в Китае, ни где-либо еще так и не произошло действительной смены способа производства, а стало быть, и перехода к новой общественной формации. Исторические социализм и капитализм — две стороны одной медали, одна из которых окрашена в «эгалитарные», а другая — в «элитарные» краски. Юридическая смена преобладающей формы собственности оставила и эксплуатацию, и наемный труд, и извлечение прибавочной стоимости (правда, в более замысловатой форме), и рыночные (торговые) отношения, и деньги, и товарный фетишизм, и нужду в материальных благах (о буржуазных производственных отношениях в Советском Союзе см. статью М. Воейкова [7]).

NB! Отрицание здесь революционной (меняющей способ производства и общественную формацию) роли рабочего класса и других эксплуатируемых и отчужденных слоев населения вовсе не означает отрицания вообще положительного исторического значения борьбы угнетенных слоев населения (и самой идеи антагонистической формации!). Любая общественная формация — это не некая завершенная и статичная институциональная форма, а скорее «спектр возможностей» в рамках определенного способа производства. Борьба социальных «низов» — важнейший исторический процесс, предохраняющий человечество от скатывания в дикость и создающий предпосылки для выстраивания более эгалитарных институциональных форм общества.

Здесь не хватит места для отдельной развернутой критики «низовых» форм протеста, ассоциируемых с посткапиталистической трансформацией. Вместо этого можно попытаться показать, что посткапиталистические отношения и так уже формируются, и отнюдь не среди жестоко эксплуатируемых или находящихся в самом низу социальной лестницы, чему и посвящена вторая часть настоящей статьи. Тем не менее, чтобы понять специфику современной большой общественной трансформации, необходимо понимать ряд закономерностей, которые наблюдались в том числе и в период становления капитализма.

К сожалению, сознательная или подсознательная ориентация на инициативы «снизу» и вообще любые громкие политические события (вроде вооруженных восстаний) привела левую политическую мысль к историческим искажениям даже тех революционных изменений, от которых, по общему признанию, выигрывали отнюдь не массы или демократическое большинство. Далее будет представлен ряд теоретических положений, которые сводятся к общему утверждению о синтезе элит как механизме, посредством которого возникают и претворяются в жизнь новые способы производства. Данные положения будут противопоставлены как классическим представлениям о «революциях снизу», так и более приближенным к действительности взглядам на революци-

онный процесс как прежде всего классовую борьбу, организуемую и сознательно направляемую «новым» классом элит.

Синтез элит как революционный процесс

Итак, можно ли говорить о каких-то универсальных закономерностях протекания социальных революций? В одну реку не войти дважды — это очевидно. Вряд ли можно принимать всерьез аргументы, основывающиеся на исторических аналогиях, т. к. каждая смена способов производства, влекущая за собой переформатирование общественных отношений, происходит в новых социальных, экономических, технологических и т. п. обстоятельствах. Однако можно допустить, что у таких процессов может быть общая «логика» (если учитывать ряд постоянно действующих условий):

- пока не достигнут настоящий избыток материальных благ для всех на Земле, общественная потребность в активной деятельности и конкурентной борьбе, в которой побеждают наиболее яркие и талантливые, сохраняется. Это ведет к появлению новых форм господства и престижа;

- в таком случае средствами инициативной трансформации способа производства и, соответственно, производственных отношений будут располагать прежде всего старые господствующие элиты или те, кто находится в неантагонистических с ними взаимоотношениях;

- социальная революция — это не политической «скачок» и даже не растянутая во времени борьба «классов для себя», а медленное вызревание новых способов производства, что способствует постепенному перетеканию власти в руки тех, кто вовремя (сознательно или бессознательно) стал инициатором развития этих способов производства;

- поэтому речь и должна идти о «синтезе элит». Синтез элит — это не возникновение новых элит во «внешней среде»; это также не смешение старых элит с целью порождения чего-то нового. Это постепенная эволюция некоторой (может быть, очень малой) части старых элит, в рамках которой происходит зарождение новых общественных отношений или инкорпорирование новых элементов «извне»;

- долгое время ресурсы, связанные с одним способом производства, могут суммироваться с ресурсами, связанными с новыми способами производства (к примеру, феодалы, которые занимаются капиталистическим производством на своей земле). Стало быть, и на тезисы о «меж-элитной» классовой борьбе (буржуа против старой феодальной аристократии) также стоит смотреть скептически.

Во второй части статьи я попытаюсь показать, что эти закономерности свойственны и современным процессам возвышения персоналиата. Однако предварительно хотелось бы продемонстрировать работоспособность этой схемы на более раннем примере становления капитализма, чтобы окончательно избавиться от теоретических призраков, которые сопровождают современные дискурсы о посткапитализме и путях его достижения.

Трудно отрицать вдохновляющее влияние так называемых буржуазных революций на классиков левой политической мысли. Великая французская революция стала своеобразной «идеальной моделью». Казалось бы, там было все: взрыв недовольства «снизу», ожесточенная борьба «классов для себя», буржуазия, которая исполняла свою величайшую историческую миссию прогрессивного разрушения отжившей феодальной системы, реальное изменение соотношения классовых сил после революции. Впоследствии предполагалось, что социалистическая революция должна иметь много общего с тем, что происходило во Франции в конце XVIII в. Только теперь уже на передовой революционной борьбы должны были находиться не классы эксплуататоров, а угнетаемые рабочие и крестьяне. Но являлись ли и такие события, как Великая французская революция, действительными социальными революциями, реально меняющими способ производства и непосредственно формирующими новые производственные (шире — общественные) отношения? Многие факты говорят об обратном. Рассмотрим тезисно, почему становление капитализма можно объяснить скорее синтезом элит, нежели результатами непримиримой классовой борьбы.

1. Саму по себе историю становления капитализма недопустимо рассматривать в отрыве от технологической эволюции. Капитализм — это прежде всего способ производства, основанный на труде как основном источнике потребительных ценностей [12]. До капитализма труд как таковой не был основным источником потребительных ценностей, эту функцию выполняли природные процессы. Только учитывая это, мы сможем понять описанные в «Капитале» механизмы самовозрастания стоимости. Соответственно, чтобы найти истоки капитализма, мы должны смотреть на то, как постепенный прогресс в науке и технике вылился в итоге в промышленную революцию. И этому процессу невозможно дать однозначную оценку с точки зрения какого-либо класса. Отчасти прогресс науки и техники тормозился средневековым мышлением. Но многие технологические прорывы в производственной сфере были обязаны как раз инициативам докапиталистических элит. Так, широкая иерархическая система налогообложения способствовала возникновению абсолютизма, роль которого в становлении капитализма трудно отрицать. Именно абсолютизм способствовал политической и экономической консолидации национальных государств, без которой были бы невозможны национальные рынки и многие явления международной торговли [26]. «Абсолютные» монархи инициировали проведение меркантилистской политики, которая была нацелена на защиту местного производства от иностранных конкурентов (протекционизм). Они же в целях повышения боеспособности своих армий непрестанно вкладывались в мануфактурное и протопромышленное производство. «Видимым парадоксом абсолютизма, — пишет П. Андерсон, — было то, что он по сути своей представлял аппарат для защиты собственности и привилегий аристократов; в то же самое время

средства, которыми обеспечивалась эта защита, могли одновременно обеспечивать и базовые интересы новорожденных торгового и мануфактурного классов... [Абсолютистское государство] покончило с большим количеством внутренних барьеров в торговле и поддержало вводимые пошлины против иностранных конкурентов... Оно выполняло некоторые... функции первоначального накопления, необходимые для окончательного триумфа капиталистического способа производства... [Поэтому] существовало потенциальное поле совместимости между природой и программой абсолютистского государства и действиями торгового и мануфактурного капитала» [1. С. 38—39]. Сюда же можно отнести влияние колониализма.

2. Соответственно, не стоит недооценивать влияние государства как своеобразного «катализатора» синтеза элит. Долгое время в марксистской политэкономии было принято рассматривать государство исключительно как инструмент в руках господствующих классов. Однако оно никогда не было таковым, т. к. всегда выступало в качестве автономного субъекта, включающего в себя отдельную страту бюрократической и военной элиты. Теда Скочпол убедительно показала, что государственные агенты имели собственные интересы, зачастую противоречащие интересам земельной аристократии. История становления абсолютистских государств — это история усмирения непокорных наследственных аристократий, включения класса феодалов в бюрократическую иерархическую машину государственной службы. При этом, «хотя и государство, и господствующие классы в широком плане разделяют заинтересованность в том, чтобы удерживать подчиненные классы на отведенном им месте..., в существующей экономике собственные фундаментальные интересы государства в поддержании элементарного порядка и политического мира могут привести его (особенно в периоды кризиса) к уступкам в пользу подчиненных классов» [22. С. 73—74]. Более того, многие «пробуждающие» изменения зачастую происходили вообще без каких-либо революционных потрясений: просто из осознания государственными агентами необходимости тех или иных реформ для поддержания военной мощи. Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии или отмена крепостного права в Российской империи — примеры многих подобных мероприятий.

3. Становление капитализма сопровождалось скорее конфликтами элит, нежели классовой борьбой. Известный американский социолог и специалист в сравнительной исторической социологии Ричард Лахман показал, что стоит говорить о своеобразных зазорах, которые открывались в ситуациях обострения конфликтов между элитами. Вражда различных элит феодального общества (земельных, клерикальных, монархических) вела к их взаимному ослаблению, что открывало дополнительные пространства для появления ростков капиталистических общественных отношений (Лахман рассматривает широкий набор кейсов — от итальянских городов-государств до Англии и Франции эпохи промышленной революции). В контексте конфликтов элит эти отношения зарождались как «побочные эффекты», поэтому он и говорит

о «капиталистах поневоле». Так, в Англии прямой предпосылкой «капиталистической трансформации» послужил конфликт короля и земельных магнатов. Лахман анализирует специфику этого конфликта, сравнивая его с аналогичными событиями во Франции.

Английский абсолютизм зарождался специфическим образом. С началом английской Реформации в 1530-е гг. Генрих VIII запустил процесс ликвидации монастырей и передачи монастырского имущества в собственность королевского дома Тюдоров. Это усилило королевскую власть и позволило укрепить так называемый горизонтальный абсолютизм. Лахман пишет: «Генрих и его преемники втянулись в союз с мелкими светскими землевладельцами — джентри, — чтобы обезопасить себя и расширить до национального уровня господство церкви и государства. Делая это, английские монархи запустили процесс трансформации политики и экономики на локальном и национальном уровнях» [13. С. 193—194].

Однако усиление вертикальной власти монарха оказалось временным. Вскоре вновь приобретенные земли были растрочены: «Генрих VIII потратил $\frac{3}{4}$ своей прибыли с Реформации на войну и патронат. Его преемники, Эдуард VI (1547—1553), Мария I (1554—1558) и Елизавета I (1558—1603), потратили оставшуюся часть тюдоровского имущества на своих политических клиентов. К началу елизаветинского правления королевские земельные владения вернулись к своему дореформенному уровню, приблизительно $\frac{1}{10}$ части маноров всей страны. К 1640 г. корона владела только 2% всех английских маноров» [13. С. 202].

Этот исторический поворот стал судьбоносным, т. к. конечными выгодоприобретателями оказались именно джентри, которые постепенно стали перетягивать на свою сторону все больше власти на локальном уровне: «джентри воспользовались упадком власти магнатов (что усилило рычаги управления джентри над членами парламента, которые тогда уже освободились от протекции и господства магнатов) и нуждой короны обменивать пожалования и посты на местном уровне на политическую поддержку в парламенте и на национальном уровне, вытребовав себе законодательную и юридическую поддержку своих атак на права арендаторов. Огораживание — самый известный и наиболее драматический метод аннулирования манориальных и общинных прав и создания частной собственности. Огораживание часто было всего лишь кульминацией долгого процесса нападков и сокращения крестьянского землепользования. Наступление эпохи огораживания знаменует конец классовой борьбы в аграрном секторе за манор и окончательную фазу создания частной собственности» [13. С. 316—317].

Иначе складывались обстоятельства во Франции. Там происходило становление «вертикального» абсолютизма. Конфликт королевской власти с магнатами сопровождался вовсе не разделом земель католических монастырей, а союзом монархии с католической церковью. Королевская власть укреплялась путем выстраивания бюрократической иерархии и опиралась на новый институт интендантов. Однако, как и в Англии, во Франции монархия испытывала систематический фи-

нансовый голод, связанный с постоянным ведением войн. В итоге начала распространяться практика продажи дворянских титулов и должностей, что сильно тормозило экономическое развитие, поскольку вместо постепенного складывания буржуазных общественных отношений французская элита гналась за рентой: за доступ к государственным должностям, за право сбора королевских податей и т. п. Однако это сыграло решающую роль, т. к. перемешало элиты: финансовые элиты активно приобретали права аристократии (дворянство мантии), что в итоге и послужило началом конца Старого порядка.

Ввязавшись в конфликт на американском континенте, Людовик XVI столкнулся с закономерными финансовыми проблемами. Но «смещение» элит оказалось крайне неблагоприятным для короны обстоятельством. Канадский историк Дж. Бошер пишет: «Любой другой финансовый кризис в монархии Бурбонов завершался Палатой правосудия [экстраординарным судопроизводством], привлекающей внимание общественности к счетоводам, откупщикам и другим финансистам [все они занимали купленные у монархии должности, которая обычно занимала у них в ожидании налоговых поступлений]... как к спекулянтам, ответственным за бедствие... Палаты правосудия обеспечивали удобный легальный инструмент для списания долгов перед финансистами и принудительного изъятия у них больших сумм. В связи с созывом этих палат корона пользовалась моментом слабости финансистов для осуществления реформ финансовых институтов... Но в течение XVIII в. генеральные откупщики, главные сборщики налогов, главные казначеи, плательщики рент и иные высокопоставленные финансисты в большом числе стали дворянами и слились с правящими классами до такой степени, что корона не смогла учредить Палату правосудия против них. Долгая серия Палат правосудия подошла к концу в 1717 г. Те министры финансов, которые пытались предпринять что-нибудь, по своей природе представляющее атаку на финансистов, особенно Терре, Тюрго и Неккер, потерпели политическое поражение и были вынуждены уйти в отставку. Именно в этих обстоятельствах финансовые бедствия переросли в крупномасштабный кризис» [22].

4. Становление буржуазных общественных отношений характеризовалось медленным синтезом элит. Между зарождающимися новыми элитами и элитами старыми не было никакой «сущностной пропасти». Зачастую это были одни и те же люди. Так, в Англии джентри являлись инициаторами капиталистических нововведений. Во Франции представители зарождающегося капиталистического класса очень часто имели дворянские титулы или занимали государственные должности. Буржуазный «дух» несколько изменил ключевые паттерны поведения элит, однако и здесь не было какого-то грандиозного разрыва. Скорее, наблюдались медленная трансформация статусов и престижа и постепенное принятие «рационализированных» форм потребления.

Буржуа и старая аристократия не находились в непримиримых антагонистических отношениях. В своей книге, посвященной феномену роскоши в XVIII в., французский историк Ф. Перро показывает, как

старые рыцарские идеалы чести и славы (и соответствующие способы «благородного» зрелищного расточительства) медленно вытеснялись погоней за показной роскошью и развлечениями. «Между дворянством, которое этой роскошью пользуется, и торговой или ремесленной буржуазией, которая этой роскошью снабжает, с согласия короля заключено молчаливое соглашение: торговцы и ремесленники, живя в своем мире тяжелого труда и рабочего пота, должны лихорадочно производить на свет элегантные костюмы, изысканные кушанья, величественные жилища, изящную мебель и ковры...» [19. С. 45]. Однако прогрессивное воздействие буржуазии здесь заключалось вовсе не в политической агрессии или чем-то подобном. Буржуазия, в некоторой степени с помощью подобных «соглашений», невольно «уничтожала» старую аристократию. «Вся эта роскошь, — продолжает Перро, — которая сосредоточивается в руках одного сословия, становится причиной все более и более ожесточенного соперничества в престиже и приводит к очередным безудержным тратам, заставляя все глубже влезать в долги... Вот почему, в то время пока торговцы и ремесленники обогащаются, дворянская роскошь выглядит не как настоящее богатство, а как попытка скрыть свое разорение, “придворную нищету”, о которой писала мадам де Севинье. “У них никогда нет ни единого су, но все они путешествуют, участвуют в походах, следят за модой, их можно увидеть на всех балах, на всех курортах, на всех лотереях, хотя бы они при этом и были разорены...”» [19. С. 46].

Постепенно представители буржуазии богатели, и их богатство очень часто было обусловлено приверженностью рациональным принципам бережливости и утилитарности. Тем не менее невозможно провести четкий водораздел между дворянским «духом» расточительности и буржуазным «духом» бережливости и нацеленности на инвестиции: «Деловой человек “из низов”, какой-нибудь разбогатевший банкир или финансист подражает образу жизни утонченного аристократа, между тем как благородные наслаждения, напротив, словно “опрощаются”, приобретая черты уютного буржуазного быта, где более всего ценится покой и благоразумие» [19. С. 63].

5. Наконец, капиталистическая социальная революция лишь косвенно была обусловлена такими историческими потрясениями, как Английская и Французская революции. И применительно к таким событиям необходимо быть предельно осторожным. Английская революция не была буржуазной постольку, поскольку тогда еще не существовало буржуазии как «класса для себя». Да, городской торговый класс Лондона сыграл свою роль, но куда большее значение имела концентрация власти в руках джентри.

Как отмечает Теда Скорчпол, Английская революция «свершилась не через классовую борьбу, но через гражданскую войну между сегментами господствующего класса землевладельцев (когда каждая сторона привлекала союзников и сторонников из всех прочих классов и страт). И в то время, как Французская революция заметно трансформировала классовые и социальные структуры, Английская революция этого не сде-

лала. Вместо этого она революционизировала политическую структуру Англии. Она упразднила право (и институциональную возможность) короля вмешиваться в местные политические, экономические и религиозные дела и в целом вынудила его править только на основе доверия и законодательной поддержки парламента» [22. С. 264].

Однако и Великая французская революция была не вполне буржуазной. Социальные силы, которые ее породили, не были «антисеньориальными». Крестьяне «жаловались» вовсе не столько на старую сеньориальную систему, сколько на негативные явления, связанные с проникновением коммерциализированных отношений в деревню (антагонизм между бедными и богатыми) [30. Р. 167]. Более того, эта революция не способствовала какому-то быстрому рывку к индустриализму. Скорее, наблюдался всесторонний кризис, от которого Франция еще долго не могла оправиться. «Многие историки Французской революции, — пишет Скочпол, — утверждают, что созыв Генеральных штатов привел к революции, потому что он выдвинул капиталистическую буржуазию, или же верхушку третьего сословия, на национальную политическую арену. Это произошло, когда разразились споры о том, проводить ли Штаты традиционным образом с голосованием по сословиям или же более унифицированным образом, с поголовным голосованием. Конечно, этот спор имел решающее значение. Тем не менее многое говорит в пользу того, что его значение было не в противопоставлении одного класса другому. Оно скорее состояло в том, что данный спор углубил паралич административной системы Старого порядка и привел к ее распаду — тем самым оставив господствующий класс уязвимым перед подлинным социально-революционным воздействием низовых протестов» [22. С. 132].

Но даже если и был последующий революционный «низовой протест», то можно ли его называть социально-революционным? Для Теды Скочпол социальная революция подразумевает смену правящих социально-классовых сил и изменение социально-экономической системы. В некотором смысле это произошло. Но произошла ли при этом качественная трансформация способа производства? На этот вопрос можно дать отрицательный ответ. Франция оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной, где было только шесть городов с населением более 50 тыс. человек и три города с населением более 100 тыс. человек, где старые методы ведения сельского хозяйства в основном не изменились [35]. «Развитие французского общества, — пишет Альфред Коббен, — предстает в ином свете, если мы признаем, что революция была триумфом для консервативных, имущих, землевладельческих классов, больших и малых. Это был один из факторов — конечно, не единственный, — способствующих экономической отсталости Франции в следующем столетии. Это помогает нам увидеть, что в ходе революции социальная иерархия, измененная и более открыто основанная на богатстве, особенно земельном богатстве и политическом влиянии, а не на рождении и аристократических связях, была укреплена и восстановлена. Опять же, верно, что революция привела к важным гуманитарным

реформам и устранила неисчислимые традиционные барьеры на пути к более унифицированному и политически более эффективному современному государству; но она также сорвала движение за лучшее обращение с самыми бедными слоями общества, как сельскими, так и городскими» [30. Р. 170].

Ближе к реальности описание Великой французской революции как преимущественно политического явления, связанного с распространением грамотности, национального самосознания, расцветом наук и философии. Якобинская диктатура — типичное проявление фанатичной веры в нацию и революцию как философские абстракции, которые теперь, в условиях зарождающейся медийности, начинают постепенно восприниматься массами. Не буржуазный строй стал итогом революции, а очищенное от «средневековой скорлупы» национальное государство. Как отмечает Ф. Фюре, «став нацией и слившись в едином правлении, французы, сами того не сознавая, вернулись к мифическому образу абсолютизма, поскольку именно он определяет и представляет социальную совокупность» [27. С. 44].

В контексте вышесказанного возникает встречный вопрос: если нет четких «формационных границ», то можно ли вообще говорить о социальных революциях? Все ранее сказанное отнюдь не означает, что социальные революции — это иллюзия рационалистического сознания, опирающегося на абстракции (как и то, что концепты классов и классовой борьбы бесполезны (см. ответную критику исторического ревизионизма [29])). Однако исследовательский взгляд должен быть направлен не на резкие разрывы или «непримиримые антагонизмы», а на точки синтеза и континуумы медленных трансформаций.

* * *

В настоящем тексте я попытался показать, что если и можно выделить универсальные закономерности смены общественных формаций, то вряд ли их можно выявить, изучая «восстания снизу» или непримиримую классовую борьбу. Наиболее вероятно начало прогрессивных трансформаций по инициативе элит. Поэтому можно посмотреть на социальную революцию как на синтез элит. Именно у элит накапливаются необходимые ресурсы, которые постепенно перетекают туда, где возникают и зарождаются новые способы производства и производственные отношения.

Социальная революция — это очень долгий процесс, который вряд ли можно адекватно описать черно-белыми красками политических противостояний и баталлий. В таких процессах, как правило, задействовано множество субъектов. Элиты могут пользоваться преимуществами как старых способов производства, так и новых. Более того, очень важна роль тех социальных сил, которые находятся в неантагонистических взаимоотношениях со старыми элитами.

Да, мы можем говорить о некоем «столкновении» социальных субъектов, порождаемых разными способами производства. Разные элитные группировки при этом могут бороться друг с другом, не задумываясь

о каких-либо «системных» изменениях. Их повседневная борьба приводит к непредсказуемым последствиям, открывая лазейки-зазоры, которыми пользуются новые социальные силы.

Этот экскурс был необходим, чтобы подготовить читателя к изложению концепции возвышения персоналиата как составной части уже происходящей посткапиталистической трансформации. Чтобы увидеть то, что часто остается незамеченным, нужно отбросить старые предрассудки и избавиться от ненаучных по своей природе идеалистических представлений о нацеленном на построение неантагонистических общественных отношений революционном порыве «снизу», который при всем при этом должен завершиться социальной революцией. Стоит воспользоваться совершенно другой теоретической оптикой.

Что, если посткапиталистическая революция — это вовсе не «социальный взрыв» эксплуатируемых и угнетенных? Что, если будущее — вовсе не за идиллическим обществом всеобщего равенства? Что, если посткапиталистическая революция — это то, что уже сравнительно давно происходит?

Попробуем ответить на эти вопросы во второй части статьи.

(Окончание следует)

Литература

1. **Андерсон П.** Родословная абсолютистского государства. М. : ИД «Территория будущего», 2010.
2. **Брегман Р.** Утопия для реалистов : Как построить идеальный мир. М. : Альпина Паблишер, 2018.
3. **Бузгалин А. В.** Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2018. № 7.
4. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1.
5. **Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.** Базовый доход : Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М. : ГУ-ВШЭ, 2020.
6. **Вирно П.** Грамматика множества : К анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
7. **Воейков М. И.** Теория способа производства : 20 лет спустя // Философские науки. 2012. № 1.
8. **Горц А.** Нематериальное : Знание, стоимость и капитал. М. : Изд-во Высшей школы экономики, 2010.
9. **Давыдов Д. А.** Личность и государство в терниях посткапитализма : На пути к новой антагонистической общественной формации. М. : URSS, 2019.
10. **Давыдов Д. А.** Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. 2020. № 2.
11. Диалектический и исторический материализм : учебник для комвузов и вузов / под ред. М. Митина, И. Разумовского. М. : Партиздат, 1932. Ч. 2: Исторический материализм.
12. **Крих С. Б.** «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем. 2006. № 17.

13. **Лакман Р.** Капиталисты поневоле : Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М. : ИД «Территория будущего», 2010.
14. **Маркс К.** К критике политической экономии // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13.
15. **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4.
16. **Мухачев В. В.** Недостигаемый Маркс : Концепция идеологии создателей марксизма как «terra incognita». М. : URSS, 2018.
17. **Ойзерман Т. И.** Марксизм и утопизм. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
18. **Павлов А. В.** Мечтают ли западные марксисты о революции сегодня? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 4.
19. **Перро Ф.** Роскошь : Богатство между пышностью и комфортом в XVIII—XIX веках. М. : Издательство Ивана Лимбаха, 2014.
20. **Попов М. В.** Классовая борьба. Чехов : Primedia E-launch LLC, 2018.
21. **Сайерс Ш.** Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1.
22. **Скочпол Т.** Государства и социальные революции : Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017.
23. **Срничек Н., Уильямс А.** Изобретая будущее : Посткапитализм и мир без труда. М. : Strelka Press, 2019.
24. **Сталин И.** Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М. : Госполитиздат, 1953.
25. **Стэндинг Г.** Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
26. **Уикхем К.** Средневековая Европа : От падения Рима до реформации. М. : Альпина нон-фикшн, 2020.
27. **Фюре Ф.** Постигание Французской революции. СПб. : Анапресс, 1998.
28. **Хардт М., Негри А.** Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.
29. **Amariglio J., Norton B.** Marxist Historians and the Question of Class in the French Revolution // History and Theory. 1991. № 1.
30. **Cobban A.** The Social Interpretation of The French Revolution. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
31. The demands of the collective black voices at free capitol hill to the government of Seattle, Washington. — <https://medium.com/@seattleblmanon3/the-demands-of-the-collective-black-voices-at-free-capitol-hill-to-the-government-of-seattle-ddaee51d3e47> (дата обращения: 06.09.2020).
32. **Graeber D.** Bullshit Jobs: A Theory. N. Y. : Simon and Schuster, 2018.
33. **Madowitz M., Hanlon S.** GDP Is Growing, but Workers' Wages Aren't. — <https://www.americanprogress.org/issues/economy/reports/2018/07/26/454087/gdp-growing-workers-wages-arent/> (дата обращения: 06.09.2020).
34. **Rifkin J.** The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons and the Eclipse of Capitalism. N. Y. : Palgrave, 2015.
35. Was French Revolution A Bourgeoisie Revolution? — <https://www.ourheritagejournal.com/2019/11/was-french-revolution-bourgeoisie.html> (дата обращения: 06.09.2020). ◆